

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Бернард
Шоу

Пигмалион

Перевод с английского
Евгении Калашниковой

**Бернард Шоу
Пигмалион**

Серия «Библиотека драматургии Агентства ФТМ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154954

Пигмалион: издательство «Правда»; 2015

ISBN 978-5-4467-2436-9

Аннотация

Одна из самых известных пьес Бернарда Шоу. В произведении отражаются глубокие и острые социальные проблемы, что обеспечило ему большую популярность как при жизни автора, так и сегодня. В центре сюжета – лондонский профессор фонетики, который заключает пари со своим приятелем о том, что сможет за пол года обучить простую цветочницу произношению и манерам, принятым в высшем обществе, и на светском приеме выдает ее за знатную даму.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Действие второе	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бернард Шоу

Пигмалион

Роман в пяти действиях

Действующие лица

Клара Эйнсфорд Хилл, дочь.

Миссис Эйнсфорд Хилл, ее мать.

Прохожий.

Элиза Дулиттл, цветочница.

Альфред Дулиттл, отец Элизы.

Фредди, сын миссис Эйнсфорд Хилл.

Джентльмен.

Человек с записной книжкой.

Саркастический прохожий.

Генри Хиггинс, профессор фонетики.

Пикеринг, полковник.

Миссис Хиггинс, мать профессора Хиггинса.

Миссис Пирс, экономка Хиггинса.

Несколько человек в толпе.

Горничная.

Действие первое

*Ковент-Гарден. Летний вечер. Дождь как из ведра. Со всех сторон отчаянный рев автомобильных сирен. Прохожие бегут к рынку и к церкви св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек, в том числе **пожилая дама с дочерью**, обе в вечерних туалетах. Все с досадой всматриваются в потоки дождя, и только один **человек**, стоящий спиной к остальным, по-видимому, совершенно поглощен какими-то отметками, которые он делает в записной книжке. Часы бьют четверть двенадцатого.*

Дочь (стоит между двумя средними колоннами портика, ближе к левой). Я больше не могу, я вся продрогла. Куда девался Фредди? Полчаса прошло, а его все нет.

Мать (справа от дочери). Ну, уж не полчаса. Но все-таки пора бы ему привести такси.

Прохожий (справа от пожилой дамы). Это вы и не надейтесь, леди: сейчас ведь все из театров едут; раньше половины двенадцатого ему такси не достать.

Мать. Но нам необходимо такси. Не можем же мы стоять здесь до половины двенадцатого. Это просто возмутительно.

Прохожий. Да я-то тут при чем?

Дочь. Будь у Фредди хоть капля сообразительности, он взял бы такси у театра.

Мать. Чем он виноват, бедный мальчик?

Дочь. Другие ведь достают. Почему же он не может?

*Со стороны Саутгемптон-стрит влетает **Фредди** и становится между ними, закрыв зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати; он во фраке, брюки у него внизу совершенно мокрые.*

Дочь. Так и не достал такси?

Фредди. Нет нигде, хоть умри.

Мать. Ах, Фредди, неужели совсем, совсем нет? Ты, наверно, плохо искал.

Дочь. Безобразие. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, нигде ни одного нет. Дождь пошел так неожиданно, всех застигло врасплох, и все бросились к такси. Я прошел до самого Чэринг-кросс, а потом в другую сторону, почти до Ледгейт-цирка, и ни одного не встретил.

Мать. А на Трафальгар-сквер был?

Фредди. На Трафальгар-сквер тоже ни одного нет.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Чэринг-кросском вокзале. Что ж ты хотела, чтоб я до Гаммерсмита маршировал под дождем?

Дочь. Нигде ты не был!

Мать. Правда, Фредди, ты как-то очень беспомощен. Ступай снова и без такси не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А что же нам делать? По-твоему, мы всю ночь должны простоять здесь, на ветру, чуть не нагишом? Это свинство, это эгоизм, это...

Фредди. Ну ладно, ладно, иду. (Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге налетает на уличную цветочницу, торопящуюся укрыться от дождя, и вышибает у нее из рук корзину с цветами.)

В ту же секунду сверкает молния, и оглушительный раскат грома как бы аккомпанирует этому происшествию.

Цветочница. Куда прешь, Фредди! Возьми глаза в руки!

Фредди. Простите. (Убегает.)

Цветочница (*подбирает цветы и укладывает их в корзинку*). А еще образованный! Все фиалочки в грязь затоптал. (*Усаживается на плинтус колонны справа от пожилой дамы и принимается трясти и расправлять цветы.*)

Ее никак нельзя назвать привлекательной. Ей лет восемнадцать – двадцать, не больше. На ней черная соломенная шляпа, сильно пострадавшая на своем веку от лондонской пыли и копоты и едва ли знакомая со щеткой. Волосы ее какого-то мышиного цвета, не встречающегося в природе: тут явно необходимы вода и мыло. Порыжелое черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен; из-под него видна коричневая юбка и холщовый фартук. Башмаки, видно, также знали лучшие дни. Без сомнения, она по-своему чистоплотна, однако рядом с дамами решительно кажется замарашкой. Черты лица у нее недурны, но состояние кожи оставляет желать лучшего; кроме того, заметно, что она нуждается в услугах дантиста.

Мать. Позвольте, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. А, так это ваш сын? Нечего сказать, хорошо вы его воспитали... Разве это дело? Раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как миленький! Теперь вот платите, мамаша!

Дочь. Мама, надеюсь, вы не сделаете ничего подобного. Еще недоставало!

Мать. Подожди, Клара, не вмешивайся. У тебя есть мелочь?

Дочь. Нет. У меня только шестипенсовик.

Цветочница (*с надеждой*). Вы не беспокойтесь, у меня найдется сдачи.

Мать (*дочери*). Дай сюда.

Дочь неохотно расстаётся с монетой.

Так. (*Девушке.*) Вот вам за цветы, моя милая.

Цветочница. Дай вам бог здоровья, леди.

Дочь. Возьмите у нее сдачи. Эти букетики стоят не больше пенни.

Мать. Клара, тебя не спрашивают. (*Девушке.*) Сдачи не надо.

Цветочница. Дай вам бог здоровья.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вы знаете, как зовут этого молодого человека?

Цветочница. А я и не знаю.

Мать. Я слышала, как вы его называли по имени. Не пытайтесь обмануть меня.

Цветочница. Очень мне нужно вас обманывать. Я просто так сказала. Ну, Фредди, Чарли – надо же как-нибудь назвать человека, если хочешь быть вежливым. (*Усаживается возле своей корзины.*)

Дочь. Зря выбросили шесть пенсов! Право, мама, уж от этого вы могли бы Фредди избавить. (*Брезгливо отступает за колонну.*)

Пожилый джентльмен – приятный тип старого армейца – взбегаёт по ступеням и закрывает зонтик, с которого течет вода. У него, так же как у Фредди, брюки внизу совсем мокрые. Он во фраке и легком летнем пальто. Становится на свободное место у левой колонны, от которой только что отошла дочь.

Джентльмен. Уфф!

Мать (*джентльмену*). Скажите, пожалуйста, сэр, все еще не видно никакого просвета?

Джентльмен. К сожалению, нет. Дождь только что полил еще сильнее. (*Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плинтус и, нагнувшись, подвертывает мокрую штанину.*)

Мать. Ах, боже мой! (*Жалобно вздыхает и отходит к дочери.*)

Цветочница (*спешит воспользоваться соседством пожилого джентльмена, чтобы установить с ним дружеские отношения*). Раз полил сильнее, значит скоро пройдет. Не расстраивайтесь, кэптен, купите лучше цветочек у бедной девушки.

Джентльмен. Сожалею, но у меня нет мелочи.

Цветочница. А я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? У меня других нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите. Полкроны я могу разменять. Вот возьмите этот – два пенса.

Джентльмен. Ну, девочка, только не приставай, я этого не люблю. *(Роемся в карманах.)* Право же, нет мелочи... Погодите, вот полтора пенса, если это вас устроит... *(Отходит к другой колонне.)*

Цветочница *(она разочарована, но все-таки решает, что полтора пенса лучше, чем ничего).* Спасибо вам, сэр.

Прохожий *(цветочнице).* Ты смотри, взяла деньги, так дай ему цветок, а то вон тот тип стоит и записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница *(вскакивает в страхе).* А что же я такого сделала, если поговорила с джентльменом? Продавать цветы не запрещается. *(Плаксиво.)* Я честная девушка! Вы все видели, я только попросила его купить цветочек.

Общий шум; большинство публики настроено сочувственно к цветочнице, но не одобряют ее чрезмерную впечатлительность. Пожилые и солидные успокоительно треплют ее по плечу, подбодряя репликами вроде: – Ну-ну, не реви! – Кому ты нужна, никто тебя не тронет. Нечего скандал поднимать. Успокойся. Будет, будет! – и т. д. Менее терпеливые цыкают на нее и сердито спрашивают, чего собственно она орет? Те, которые стояли поодаль и не знают, в чем дело, протискиваются поближе и еще увеличивают шум расспросами и объяснениями: – Что случилось? – Что она сделала? – А он где? – Да вот засыпалась. Как, вон тот? – Да, да, стоит у колонны. Она у него деньги выманила, и т. д. Цветочница, оглушенная и растерянная, пробирается сквозь толпу к пожилому джентльмену и жалобно кричит.

Цветочница. Сэр, сэр, скажите ему, чтобы он на меня не заявлял. Вы не знаете, чем это пахнет. За приставање к джентльменам у меня отберут свидетельство, выкинут меня на улицу. Я...

Человек с записной книжкой подходит к ней справа, и за ним теснятся все остальные.

Человек с записной книжкой. Но-но-но! Кто вас трогал, глупая вы девушка? За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен – обратите внимание на его ботинки. *(Человеку с записной книжкой, пояснительно.)* Она думала, сэр, что вы шпик.

Человек с записной книжкой *(с интересом).* А что это такое – шпик?

Прохожий *(теряясь в определениях).* Шпик – это... ну, шпик, и все тут. Как же иначе сказать? Ну, сыщик, что ли.

Цветочница *(все еще плаксиво).* Вот хоть на Библии поклясться, не говорила ему ничего!..

Человек с записной книжкой *(повелительно, но без злобы).* Да замолчите же вы наконец! Разве я похож на полицейского?

Цветочница *(далеко не успокоенная).* А зачем же вы все записывали? Почему я знаю, правду вы записали или нет? Вот покажите, что у вас там про меня написано.

Он раскрывает свою записную книжку и несколько секунд держит ее перед носом девушки; при этом толпа, сиюсь заглянуть через его плечо, напирает так, что более слабый человек не удержался бы на ногах.

Это что такое? Это не по-нашему написано. Я тут ничего не разберу.

Человек с записной книжкой. А я разберу. *(Читает, в точности подражая ее выговору.)* Ни расстраиваться, кэптен; купити луччи цвиточик у бедны девушки.

Цветочница (*в испуге*). Это что я его назвала «кэптен»? Так я же ничего дурного не думала. (*Джентльмену*.) Ой, сэр, скажите ему, чтобы он на меня не заявлял. Скажите...

Джентльмен. Как заявлял? Не нужно ничего заявлять. (*Человеку с записной книжкой*.) В самом деле, сэр, если вы детектив и хотели оградить меня от уличных приставаний, то заметьте, что я вас об этом не просил. У девушки ничего дурного не было на уме, всякому ясно.

Голоса в толпе (*выражая общий протест против системы полицейского сыска*). И очень даже просто! – Вам-то что до этого? Вы знайте свое дело. Верно, выслужиться захотел. Где это видано, записывать за человеком каждое слово! – Девушка с ним и не заговаривала. А хоть бы и заговорила! – Хорошее дело, уже нельзя девушке спрятаться от дождя, чтоб не нарваться на оскорбление... (*И т. д. и т. п.*)

Наиболее сочувственно настроенные ведут цветочницу обратно к колонне, и она снова усаживается на плинтус, стараясь побороть свое волнение.

Прохожий. Да он не шпик. Просто въедливый тип какой-то, вот и все. Я вам говорю, обратите внимание на ботинки.

Человек с записной книжкой (*обернувшись к нему, весело*). Кстати, как поживают ваши родственники в Селси?

Прохожий (*подозрительно*). Откуда вы знаете, что мои родственники живут в Селси?

Человек с записной книжкой. Не важно, откуда. Но ведь это так? (*Цветочнице*.) А вы как попали сюда, на восток? Вы ведь родились в Лиссонгров.

Цветочница (*с испугом*). Что ж тут дурного, если я уехала из Лиссонгров? Я там в такой конуре жила, хуже собачьей, а плата – четыре шиллинга шесть пенсов в неделю... (*Плачет*.) Ой-о-о-ой...

Человек с записной книжкой. Да живите вы где хотите, только перестаньте ныть.

Джентльмен (*девушке*). Ну полно, полно! Он вас не тронет; вы имеете право жить где вам заблагорассудится.

Саркастический прохожий (*протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом*). Например, на Парк-лэйн. Послушайте, я бы не прочь потолковать с вами о жилищном вопросе.

Цветочница (*пригорюнившись над своей корзиной, обиженно бормочет себе под нос*). Я не какая-нибудь, я честная девушка.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Может быть, вы знаете, откуда я родом?

Человек с записной книжкой (*без запинки*). Из Хокстона.

Смешки в толпе. Общий интерес к фокусам человека с записной книжкой явно возрастает.

Саркастический прохожий (*удивленно*). Черт возьми! Так и есть. Слушайте, да вы в самом деле всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая свою обиду*). И никакого он права не имеет лезть! Да, никакого права...

Прохожий (*цветочнице*). Факт, никакого. И ты ему так не спускай. (*Человеку с записной книжкой*.) Послушайте, по какому это вы праву все знаете о людях, которые не желают иметь с вами дела? Есть у вас письменное разрешение?

Несколько человек из толпы (*видимо, ободренные этой юридической постановкой вопроса*). Да, да, есть у вас разрешение?

Цветочница. А пускай его говорит, что хочет. Не стану я с ним связываться.

Прохожий. Все потому, что мы для вас – тьфу! Пустое место. С джентльменом вы бы себе таких штук не позволили.

Саркастический прохожий. Да, да! Если уж вам пришла охота поворожить, скажите-ка – откуда вот он взялся?

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Харроу, Кембридж, а впоследствии Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Общий хохот. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Восклицания вроде: – Все знает! – Так прямо и отрезал. Слыхали, как он этому длинному написал, откуда он? – и т. д.

Простите, сэр, вы, вероятно, выступаете с этим номером в мюзик-холле?

Человек с записной книжкой. Пока нет. Но я уже подумывал об этом.

Дождь перестал; толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (недовольная переменой общего настроения в пользу обидчика). Джентльмены так не делают, да, не обижают бедную девушку!

Дочь (потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед, оттеснив пожилого джентльмена, который вежливо отступает за колонну). Но где же, наконец, Фредди? Я рискую схватить воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Человек с записной книжкой (про себя, поспешно делая отметку в своей книжке). Эрлскорт.

Дочь (гневно). Прошу вас держать ваши дерзкие замечания при себе.

Человек с записной книжкой. А я разве сказал что-нибудь вслух? Прошу извинить меня. Это вышло невольно. Но ваша матушка, несомненно, из Эпсوما.

Мать (становится между дочерью и человеком с записной книжкой). Скажите, как интересно! Я действительно выросла в Толсталеди-парк близ Эпсума.

Человек с записной книжкой (шумно хохочет). Ха-ха-ха! Ну и название, черт дери! Простите. (Дочери.) Вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Не смейте обращаться ко мне!

Мать. Прошу тебя, Клара!

Дочь вместо ответа сердито пожимает плечами и с надменным выражением отходит в сторону.

Мы были бы вам так признательны, сэр, если б вы нашли для нас такси.

Человек с записной книжкой достает свисток.

О, благодарю вас. (Идет за дочерью.)

Человек с записной книжкой издает пронзительный свист.

Саркастический прохожий. Ну вот вам. Я же говорил, что это переодетый шпик.

Прохожий. Это не полицейский свисток; это спортивный свисток.

Цветочница (все еще страдая от оскорбления, нанесенного ее чувствам). Не смеет он у меня отбирать свидетельство! Мне так же нужно свидетельство, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Вы, может быть, не заметили – дождь уже минуты две как перестал.

Прохожий. А ведь верно. Что же вы раньше не сказали? Мы бы не теряли тут время, слушая ваши глупости! (Уходит по направлению к Стрэнду.)

Саркастический прохожий. Я вам скажу, откуда вы сами. Из Бидлама. Вот и сидели бы там.

Человек с записной книжкой (услужливо). Бедлама.

Саркастический прохожий (стараясь весьма изысканно произносить слова). Спасибо, господин учитель. Ха-ха! Будьте здоровы. (С насмешливой почтительностью притрагивается к шляпе и уходит.)

Цветочница. Зря только людей пугает. Самого бы его пугнуть как следует!

Мать. Клара, уже совсем прояснилось. Мы можем дойти до автобуса. Идем. (Подбирает юбку и торопливо уходит в сторону Стрэнда.)

Дочь. Но такси...

Мать уже не слышит ее.

Ах, как все это скучно! (*Сердито идет за матерью.*)

Все уже разошлись, и под портиком остались только человек с записной книжкой, пожилой джентльмен и цветочница, которая возится со своей корзинкой и по-прежнему бормочет что-то себе в утешение.

Цветочница. Бедная ты девушка! И так жизнь нелегкая, а тут еще всякий измывается.

Джентльмен (*вернувшись на прежнее место – слева от человека с записной книжкой*).
Позвольте спросить, как вы это делаете?

Человек с записной книжкой. Фонетика – и только. Наука о произношении. Это моя профессия и в то же время мой конек. Счастлив тот, кому его конек может доставить средства к жизни! Нетрудно сразу отличить по выговору ирландца или йоркширца. Но я могу с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина. Если это в Лондоне, то даже с точностью до двух миль. Иногда можно указать даже улицу.

Цветочница. Постыдился бы, бессовестный!

Джентльмен. Но разве это может дать средства к жизни?

Человек с записной книжкой. О да. И немалые. Наш век – это век выскочек. Люди начинают в Кентиштауне, живя на восемьдесят фунтов в год, и кончают на Парк-лэйн с сотней тысяч годового дохода. Они хотели бы забыть про Кентиштаун, но он напоминает о себе, стоит им только раскрыть рот. И вот я обучаю их.

Цветочница. Занимался бы своим делом, вместо того чтоб обижать бедную девушку...

Человек с записной книжкой (*рассвирепев*). Женщина! Немедленно прекратите это омерзительное нытье или поищите себе приют у дверей другого храма.

Цветочница (*неуверенно-вызывающе*). Я имею такое же право сидеть тут, как и вы.

Человек с записной книжкой. Женщина, которая издает такие уродливые и жалкие звуки, не имеет права сидеть нигде... вообще не имеет права жить! Помните, что вы – человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи, что ваш родной язык – это язык Шекспира, Мильтона и Библии! И перестаньте квохтать, как осипшая курица.

Цветочница (*совершенно обалдевшая, не решаясь поднять голову, смотрит на него исподлобья, со смешанным выражением изумления и испуга*). У-у-ааааа-у!

Человек с записной книжкой (*хватаясь за карандаш*). Боже правый! Какие звуки! (*Торопливо пишет; потом откидывает голову назад и читает, в точности воспроизводя то же сочетание гласных*). У-у-ааааа-у!

Цветочница (*представление ей понравилось, и она хихикает против воли*). Ух ты!

Человек с записной книжкой. Вы слышали ужасное произношение этой уличной девчонки? Из-за этого произношения она до конца своих дней обречена оставаться на дне общества. Так вот, сэр, дайте мне три месяца сроку, и я сделаю так, что эта девушка с успехом сойдет за герцогиню на любом посольском приеме. Мало того, она сможет поступить куда угодно в качестве горничной или продавщицы, а для этого, как известно, требуется еще большее совершенство речи. Именно такого рода услуги я оказываю нашим новоявленным миллионерам. А на заработанные деньги занимаюсь научной работой в области фонетики и немного – поэзией в мильтоновском вкусе.

Джентльмен. Я сам изучаю индийские диалекты и...

Человек с записной книжкой (*торопливо*). Да что вы? Не знаком ли вам полковник Пикеринг, автор «Разговорного санскрита»?

Джентльмен. Полковник Пикеринг – это я. Но кто же вы такой?

Человек с записной книжкой. Генри Хиггинс, создатель «Универсального алфавита Хиггинса».

Пикеринг *(восторженно)*. Я приехал из Индии, чтобы познакомиться с вами!

Хиггинс. А я собирался в Индию, чтобы познакомиться с вами.

Пикеринг. Где вы живете?

Хиггинс. Уимпол-стрит, двадцать семь-А. Приходите ко мне завтра же.

Пикеринг. Я остановился в Карлтон-отеле. Идемте со мной сейчас же, мы еще успеем побеседовать за ужином.

Хиггинс. Великолепно.

Цветочница *(Пикерингу, когда он проходит мимо)*. Купите цветочек, добрый джентльмен. За квартиру платить нечем.

Пикеринг. Право же, у меня нет мелочи. Очень сожалею.

Хиггинс *(возмущенный ее попрошайничеством)*. Лгунья! Ведь вы же сказали, что можете разменять полкроны.

Цветочница *(вскакивая в отчаянии)*. Мешок с гвоздями у вас вместо сердца! *(Швыряет корзину к его ногам.)* Нате, черт с вами, берите всю корзину за шесть пенсов!

Часы на колокольне бьют половину двенадцатого.

Хиггинс *(услышав в их бое глас Божий, упрекающий его за фарисейскую жестокость к бедной девушке)*. Указание свыше! *(Торжественно приподнимает шляпу, затем бросает в корзину горсть монет и уходит вслед за Пикерингом.)*

Цветочница *(нагибается и вытаскивает полкроны)*. У-ааа-у! *(Вытаскивает два флорина.)* Уу-ааа-у! *(Вытаскивает еще несколько монет.)* Уу-ааааа-у! *(Вытаскивает полсовереина.)* У-у-аааааааа-у!!

Фредди *(выскакивает из остановившегося перед церковью такси)*. Достал все-таки! Эй! *(Цветочнице.)* Тут были две дамы, вы не знаете, где они?

Цветочница. А они пошли к автобусу, когда дождь перестал.

Фредди. Вот это мило! Что же мне теперь с такси делать?

Цветочница *(величественно)*. Не беспокойтесь, молодой человек. Я поеду домой в вашем такси. *(Проплывает мимо Фредди к машине.)*

Шофер высовывает руку и поспешно прихлопывает дверцу.

(Понимая его недоверие, она показывает ему полную горсть монет.) На смотри, Чарли. Восемь пенсов – это нам нипочем!

Он ухмыляется и открывает ей дверцу.

Энджел-корт, Дрюри-лэйн, против керосиновой лавки. И гони что есть духу. *(Садится в машину и с шумом захлопывает дверцу.)*

Такси трогается.

Фредди. Вот это да!

Действие второе

Одиннадцать часов утра. Лаборатория Хиггинса на Уимпол-стрит. Это комната в первом этаже, с окнами на улицу, предназначенная служить гостиной. Посредине задней стены – дверь; входя в комнату, вы видите справа у стены две многоярусные картотеки, поставленные под прямым углом. В этом же углу письменный стол, на нем – фонограф, ларингоскоп, набор миниатюрных органных труб, снабженных раздувальными мехами, ряд газовых рожков под ламповыми стеклами, резиновой кишкой соединенных со вводом в стене, несколько камертонов различных размеров, муляж половины человеческой головы в натуральную величину, показывающий в разрезе голосовые органы, и ящик с восковыми валиками для фонографа.

*Посредине правой стены – камин; около него, ближе к двери, – удобное кожаное кресло и ящик с углем. На каминной доске – часы. Между письменным столом и камином – столик для газет. У противоположной стены, слева от входной двери, – невысокий шкафчик с плоскими ящиками; на нем телефон и телефонный справочник. Весь левый угол в глубине занимает концертный рояль, поставленный хвостом к двери; вместо обычного табурета перед ним скамейка во всю длину клавиатуры. На рояле ваза с фруктами и конфетами. Середина комнаты свободна от мебели. Кроме кресла, скамейки у рояля и двух стульев у письменного стола, в комнате есть еще только один стул, который не имеет особого назначения и стоит недалеко от камина. На стенах висят гравюры, большей частью Пиранези, и портреты меццо-тинто. Картин нет. **Пикеринг** сидит за письменным столом и складывает карточки, которые он, видимо, только что разбирал. **Хиггинс** стоит рядом, у картотеки, и задвигает выдвинутые ящики. При дневном свете видно, что это крепкий, полнокровный, завидного здоровья мужчина лет сорока или около того; на нем черный сюртук, какие носят адвокаты и врачи, крахмальный воротничок и черный шелковый галстук. Он принадлежит к энергическому типу людей науки, которые с живым и даже страстным интересом относятся ко всему, что может явиться предметом научного исследования, и вполне равнодушны к вещам, касающимся лично их или окружающих, в том числе к чужим чувствам. В сущности, несмотря на свой возраст и комплекцию, он очень похож на неугомонного ребенка, шумно и стремительно реагирующего на все, что привлекает его внимание, и, как ребенок, нуждается в постоянном присмотре, чтобы нечаянно не натворить беды. Добродушная ворчливость, свойственная ему, когда он в хорошем настроении, сменяется бурными вспышками гнева, как только что-нибудь не по нем; но он настолько искренен и так далек от злобных побуждений, что вызывает симпатию даже тогда, когда явно не прав.*

Хиггинс (задвигая последний ящик). Ну вот, как будто и все.

Пикеринг. Удивительно, просто удивительно! Но должен вам сказать, что я и половины не запомнил.

Хиггинс. Хотите, можно кое-какие материалы посмотреть еще раз.

Пикеринг (встает, подходит к камину и становится перед ним, спиной к огню). Нет, спасибо, на сегодня хватит. Я уже больше не могу.

Хиггинс (идет за ним и становится рядом, с левой стороны). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Это требует страшного напряжения. До сих пор я гордился, что могу отчетливо воспроизвести двадцать четыре различных гласных; но ваши сто тридцать меня совершенно уничтожили. Я не в состоянии уловить никакой разницы между многими из них.

Хиггинс (со смехом отходит к роялю и набивает рот конфетами). Ну, это дело практики. Сначала разница как будто незаметна; но вслушайтесь хорошенько, и вы убедитесь, что все они так же различны, как А и Б.

В дверь просовывается голова миссис Пирс, экономки Хиггинса.

Что там такое?

Миссис Пирс (*нерешительно; она, видимо, озадачена*). Сэр, вас желает видеть какая-то молодая особа.

Хиггинс. Молодая особа? А что ей нужно?

Миссис Пирс. Простите, сэр, но она утверждает, что вы будете очень рады, когда узнаете, зачем она пришла. Она из простых, сэр. Из совсем простых. Я бы вам не стала и докладывать, но мне пришло в голову – может быть, вы хотите, чтоб она вам наговорила в ваши машины. Возможно, я и ошиблась, но к вам иногда такие странные люди ходят, сэр... надеюсь, вы меня простите...

Хиггинс. Ладно, ладно, миссис Пирс. А что, у нее интересное произношение?

Миссис Пирс. О, сэр, ужасное, просто ужасное! Я, право, не знаю, что вы в этом можете находить интересного.

Хиггинс (*Пикерингу*). Давайте послушаем! Тащите ее сюда, миссис Пирс. (*Бежит к письменному столу и достает новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*лишь наполовину убежденная в необходимости этого*). Слушаю, сэр. Как вам будет угодно. (*Уходит вниз.*)

Хиггинс. Вот это удачно. Вы увидите, как я оформляю свой материал. Мы заставим ее говорить, а я буду записывать – сначала по системе Белла, затем латинским алфавитом, а потом сделаем еще фонографическую запись – так, чтоб в любой момент можно было послушать и сверить звук с транскрипцией.

Миссис Пирс (*отворяя дверь.*) Вот эта молодая особа, сэр.

В комнату важно входит цветочница. Она в шляпе с тремя страусовыми перьями: оранжевым, небесно-голубым и красным. Передник на ней почти не грязный, истрепанное пальтишко тоже как будто немного почищено. Эта жалкая фигурка так патетична в своей напыщенности и невинном самодовольстве, что Пикеринг, который при входе миссис Пирс поспешил выпрямиться, совсем расстроган. Что же до Хиггинса, то ему совершенно все равно, женщина перед ним или мужчина; единственная разница в том, что с женщинами, если он не ворчит и не скандалит по какому-нибудь пустяковому поводу, он заискивающе ласков, как ребенок с нянькой, когда ему от нее что-нибудь нужно.

Хиггинс (*вдруг узнав ее, с разочарованием, которое тут же, чисто по-детски, переходит в обиду*). Да это ведь та самая девушка, которую я вчера записывал. Ну, это неинтересно: лиссонгровского диалекта у меня сколько угодно; не стоит тратить валик. (*Цветочнице.*) Проваливайте, вы мне не нужны.

Цветочница. А вы погодите задаваться! Вы же еще не знаете, зачем я пришла. (*Миссис Пирс, которая стоит у двери, ожидая дальнейших распоряжений.*) Вы ему сказали, что я на такси приехала?

Миссис Пирс. Что за глупости! Очень нужно такому джентльмену, как мистер Хиггинс, знать, на чем вы приехали!

Цветочница. Фу-ты ну-ты, какие мы гордые! Подумаешь, велика птица – учитель! Я сама слышала, как он говорил, что дает уроки. Я не милости просить пришла; а если вам мои деньги не нравятся, могу пойти в другое место.

Хиггинс. Позвольте, кому нужны ваши деньги?

Цветочница. Как кому? Вам. Теперь поняли, наконец? Я желаю брать уроки, затем и пришла. И не беспокойтесь: буду платить сколько полагается.

Хиггинс (*остолбенев*). Что!!! (*Шумно переводя дух.*) Слушайте, вы что собственно думаете?

Цветочница. Я думаю, что вы могли бы предложить мне сесть, если уж вы такой джентльмен! Я же вам говорю, что пришла по делу.

Хиггинс. Пикеринг, как нам быть с этим чучелом? Предложить ей сесть или просто спустить с лестницы?

Цветочница *(в страхе бежит к роялю и забивается в угол). У-у-ааааа-у! (Обиженно и жалобно.)* Нечего обзывать меня чучелом, раз я желаю платить, как всякая леди.

Мужчины, застыв на месте, недоуменно смотрят на нее из противоположного угла комнаты.

Пикеринг *(мягко).* Скажите нам, дитя мое, чего вы хотите?

Цветочница. Я хочу поступить продавщицей в цветочный магазин. Надоело мне с утра до ночи торчать с корзиной на Тоттенхем-Корт-Род. А меня там не берут, им не нравится, как я говорю. Вот он сказал, что мог бы меня выучить. Я и пришла с ним уговориться, – за плату, понятно, мне из милости ничего не надо. А он со мной вот как обращается!

Миссис Пирс. Неужели вы настолько глупы, моя милая, что воображаете, будто вы можете оплатить уроки мистера Хиггинса?

Цветочница. А почему ж это я не могу? Я не хуже вас знаю, почем берут за урок, и я не отказываюсь платить.

Хиггинс. Сколько?

Цветочница *(торжествующе выходит из своего угла).* Ну вот это другой разговор. Я так и думала, что уж, верно, вы не пропустите случая вернуть немножко из того, что набросали мне вчера. *(Понизив голос.)* Маленько под мухой были, а?

Хиггинс *(повелительно).* Сядьте.

Цветочница. Только вы не воображайте, мне из милости...

Миссис Пирс *(строго).* Садитесь, моя милая. Делайте то, что вам говорят. *(Берет стул, не имеющий особого назначения, ставит его у камина, между Хиггинсом и Пикерингом, и становится за ним, ожидая, когда девушка сядет.)*

Цветочница. У-у-у-ааааа-у! *(Она не трогается с места, частью из упрямства, частью из страха.)*

Пикеринг *(очень вежливо).* Присядьте, пожалуйста!

Цветочница *(неуверенным тоном).* Что ж, можно и сесть. *(Садится.)*

Пикеринг возвращается на свое прежнее место у камина.

Хиггинс. Как вас зовут?

Цветочница. Элиза Дулиттл.

Хиггинс *(торжественно декламирует)*

Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс

За птичьими гнездами отправились в лес...

Пикеринг. Четыре яичка в гнездышке нашли...

Хиггинс. Взяли по яичку, – осталось там три.

Оба от души хохочут, радуясь собственному остроумию.

Элиза. Хватит вам дурака валять.

Миссис Пирс. Так с джентльменами не говорят, моя милая.

Элиза. А чего он со мной не говорит по-человечески?

Хиггинс. Ладно, к делу. Сколько вы думаете платить мне за уроки?

Элиза. Да уж я знаю, сколько полагается. Одна моя подружка учится по-французски у самого настоящего француза, так он с нее берет восемнадцать пенсов в час. Но с вашей стороны бессовестно было бы столько запрашивать, – ведь то француз, а вы меня будете учить моему родному языку; так что больше шиллинга я платить не собираюсь. Не хотите – не надо.

Хиггинс (*расхаживает по комнате, заложив руки в карманы и побрякивая там ключами и мелочью*). А ведь знаете, Пикеринг, если рассматривать шиллинг не просто как шиллинг, а в процентном отношении к доходам этой девушки, он будет соответствовать шестидесяти или семидесяти гинеем миллионера.

Пикеринг. Как это?

Хиггинс. А вот посчитайте. Миллионер имеет около полутора фунтов в день. Она зарабатывает около полукроны.

Элиза (*заносчиво*). Кто вам сказал, что я только...

Хиггинс (*не обращая на нее внимания*). Она предлагает мне за урок две пятых своего дневного дохода. Две пятых дневного дохода миллионера составили бы примерно шестидесять фунтов. Неплохо! Совсем даже неплохо, черт возьми! Такой высокой оплаты я еще никогда не получал.

Элиза (*вскакивает в испуге*). Шестидесять фунтов! Что вы там толкуете? Я вовсе не говорила – шестидесять фунтов. Откуда мне взять...

Хиггинс. Молчите.

Элиза (*плача*). Нет у меня шестидесяти фунтов! Ой-ой-ой!..

Миссис Пирс. Не плачьте, глупая вы девушка. Никто не возьмет ваших денег.

Хиггинс. Зато кто-то возьмет метлу и хорошенько отдубасит вас, если вы сейчас же не перестанете хныкать. Сядьте!

Элиза (*неохотно повинувшись*). У-у-ааааа-у! Что вы мне, отец, что ли?

Хиггинс. Я вам хуже отца буду, если решу взяться за ваше обучение. Натей! (*Сует ей свой шелковый носовой платок.*)

Элиза. Это зачем?

Хиггинс. Чтобы вытереть глаза. Чтобы вытирать все части лица, которые почему-либо окажутся мокрыми. Запомните: вот это носовой платок, а вот это – рукав. И не путайте одно с другим, если хотите стать настоящей леди и поступить в цветочный магазин.

Элиза, окончательно сбитая с толку, смотрит на него во все глаза.

Миссис Пирс. Не стоит вам тратить слова, мистер Хиггинс: все равно она вас не понимает. И потом вы не правы, она ни разу этого не сделала. (*Берет платок.*)

Элиза (*вырывая платок*). Но-но! Отдайте! Это мне дали, а не вам.

Пикеринг (*смеясь*). Правильно. Боюсь, миссис Пирс, что теперь платок придется рассматривать как ее собственность.

Миссис Пирс (*смирившись перед фактом*). Поделом вам, мистер Хиггинс.

Пикеринг. Слушайте, Хиггинс! Мне пришла в голову мысль! Вы помните свои слова о посольском приеме? Сумейте их оправдать – и я буду считать вас величайшим педагогом в мире! Хотите пари, что вам это не удастся? Если вы выиграете, я вам возвращаю всю стоимость эксперимента. Уроки тоже буду оплачивать я.

Элиза. Вот это добрый человек! Спасибо вам, кэптен!

Хиггинс (*смотрит на нее, готовый поддаться искушению*). Черт, это соблазнительно! Она так неотразимо вульгарна, так вопиюще грязна...

Элиза (*возмущенная до глубины души*). У-у-ааааа-у!!! Вовсе я не грязная: я мылась, перед тем как идти сюда, – да, и лицо мыла и руки!

Пикеринг. Кажется, можно не опасаться, что вы вскружите ей голову комплиментами, Хиггинс.

Миссис Пирс (*с беспокойством*). Не скажите, сэр, – есть разные способы кружить девушкам головы; и мистер Хиггинс мастер на это, хоть, может быть, и не всегда по своей воле. Я надеюсь, сэр, вы не станете подбивать его на что-нибудь безрассудное.

Хиггинс (*постепенно расходясь, по мере того как идея Пикеринга овладевает им*). А что такое жизнь, как не цепь вдохновенных безрассудств? Никогда не упускай случая –

он представляется не каждый день. Решено! Я возьму эту чумазую замухрышку и сделаю из нее герцогиню!

Элиза (*энергично протестуя против данной ей характеристики*). У-у-ааааа-уу!

Хиггинс (*увлекаясь все больше и больше*). Да, да! Через шесть месяцев – даже через три, если у нее чуткое ухо и гибкий язык, – она сможет явиться куда угодно и сойти за кого угодно. Мы начнем сегодня же! Сейчас же! Немедленно! Миссис Пирс, возьмите ее и вычистите хорошенько. Если так не отойдет, попробуйте наждаком. Плита у вас топится?

Миссис Пирс (*тоном протеста*). Да, но...

Хиггинс (*бушуя*). Стащите с нее все это и бросьте в огонь. Позвоните к Уайтли или еще куда-нибудь, пусть пришлют все, что там требуется из одежды. А пока можете завернуть ее в газету.

Элиза. Стыдно вам говорить такие вещи, а еще джентльмен! Я не какая-нибудь, я честная девушка, а вашего брата я насквозь вижу, да.

Хиггинс. Забудьте свою лиссонгровскую добродетель, девушка. Вы теперь должны учиться вести себя как герцогиня. Миссис Пирс, уберите ее отсюда. А если она будет упрямиться, всыпьте ей как следует.

Элиза (*вскакивает и бросается к Пикерингу, ища защиты*). Не смейте! Я полицию позову, вот сейчас позову!

Миссис Пирс. Но мне ее негде поместить.

Хиггинс. Поместите в мусорном ящике.

Элиза. У-у-ааааа-у!

Пикеринг. Полно вам, Хиггинс! Будьте благоразумны.

Миссис Пирс (*решительно*). Вы должны быть благоразумны, мистер Хиггинс, должны. Нельзя так бесцеремонно обращаться с людьми.

Хиггинс, вняв выговору, утихает. Буря сменяется мягким бризом удивления.

Хиггинс (*с профессиональной чистотой модуляций*). Я бесцеремонно обращаюсь с людьми! Дорогая моя миссис Пирс, дорогой мой Пикеринг, у меня и в мыслях не было с кем-нибудь бесцеремонно обращаться. Напротив, я считаю, что мы все должны быть как можно добрее к этой бедной девушке! Мы должны помочь ей приготовиться и приспособиться к ее новому положению в жизни. Если я недостаточно ясно выражал свои мысли, то лишь потому, что боялся оскорбить вашу или ее чувствительность.

Элиза, успокоившись, прокрадывается к своему прежнему месту.

Миссис Пирс (*Пикерингу*). Вы когда-либо слышали подобное, сэр?

Пикеринг (*от души смеясь*). Никогда, миссис Пирс, никогда.

Хиггинс (*терпеливо*). А в чем собственно дело?

Миссис Пирс. А в том, сэр, что нельзя подобрать живую девушку так, как подбирают камешек на берегу моря.

Хиггинс. А почему собственно?

Миссис Пирс. То есть как это почему? Ведь вы же ничего о ней не знаете. Кто ее родители? А может быть, она замужем?

Элиза. Еще чего!

Хиггинс. Вот именно! Совершенно справедливо замечено: еще чего! Разве вы не знаете, что женщины ее класса после года замужней жизни выглядят как пятидесятилетние поденщицы?

Элиза. Да кто на мне женится?

Хиггинс (*переходя внезапно на самые низкие, волнующие ноты своего голоса, предназначенные для изысканных образцов красноречия*). Поверьте, мне, Элиза, еще до того, как я закончу ваше обучение, все окрестные улицы будут усеяны телами безумцев, застрелившихся из-за любви к вам.

Миссис Пирс. Перестаньте, сэр. Вы не должны забивать ей голову подобным вздором.

Элиза (*встает и решительно выпрямляется*). Я ухожу. У него, видно, не все дома. Не надо мне полоумных учителей.

Хиггинс (*глубоко уязвленный ее нечувствительностью к его красноречию*). Ах, вот как! По-вашему, я сумасшедший? Отлично! Миссис Пирс! Новых платьев заказывать не нужно. Возьмите ее и выставьте за дверь.

Элиза (*жалобно*). Ну, ну! Вы не имеете права меня трогать!

Миссис Пирс. Видите, к чему приводит дерзость. (*Указывая на дверь.*) Сюда, пожалуйста.

Элиза (*глотая слезы*). Не надо мне никаких платьев. Я бы все равно не взяла. (*Бросает платок Хиггинсу.*) Я могу сама купить себе платья. (*Медленно, как бы нехотя, бредет к двери.*)

Хиггинс (*ловко подхватив на лету платок, загораживает ей дорогу*). Вы скверная, испорченная девчонка. Так-то вы мне благодарны за то, что я хочу вытащить вас из грязи, нарядить и сделать из вас леди!

Миссис Пирс. Довольно, мистер Хиггинс. Я не могу допустить этого. Неизвестно еще, кто из вас больше испорчен – девушка или вы. Ступайте домой, моя милая, и скажите своим родителям, чтобы они лучше смотрели за вами.

Элиза. Нет у меня родителей. Они сказали, что я уже взрослая и могу сама прокормиться, и выгнали меня вон.

Миссис Пирс. А где же ваша мать?

Элиза. Нет у меня матери. Эта, которая меня выгнала, это моя шестая мачеха. Но я и без них обхожусь. И вы не думайте, я честная девушка!

Хиггинс. Ну и слава богу! Не из-за чего, значит, шум поднимать. Девушка ничья и никому не нужна, кроме меня. (*Подходит к миссис Пирс и начинает вкрадчиво.*) Миссис Пирс, почему бы вам не усыновить ее? Вы подумайте, какое удовольствие – иметь дочку... Ну, а теперь хватит разговоров. Ведите ее вниз и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.